

УДК 34

**Идеи автономизации во взглядах представителей
советской политико-правовой мысли периода
создания советской России (1917-1922 гг.)**

Гульбинский Юрий Валентинович

Кандидат исторических наук,
доцент,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации,
198206, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилотова, 1;
e-mail: urakatya@yandex.ru

Алексеев Станислав Олегович

Адъюнкт кафедры теории и истории государства и права,
Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации,
198206, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилотова, 1;
e-mail: alex1980saratov64@gmail.com

Аннотация

Проблемы создания советского союза изучаются до сих пор. В разрезе идей автономизации представителей всех национальных меньшинств, а также будущих советских республик, изучаются автономные взгляды России в будущем СССР. В работе показано, что принцип свободного развития языков не должен был противоречить главным принципам, согласно которым партия оставалась ведущей и объединяющей политической силой, а классовый интерес и солидарность пролетариата были выше центробежных тенденций, которые могли возникать на основе культурных различий между народами СССР. Разумеется, существовал определенный общественный класс — крестьянство (особенно самая его часть, так называемые кулаки), к которому националистическая интеллигенция могла обращаться за поддержкой (и наоборот — этот класс также имел возможность найти в этой среде городской интеллигенции своих идеологов и лидеров).

Сталин боялся такого союза, и его действия в 30-х годах можно было бы интерпретировать как попытку достичь того, что в 1921 г. он считал неприемлемым (то есть он так «пошел против истории»). Как марксист, Сталин должен был бы быть доволен социальными преобразованиями в деревне. Его деятельность на протяжении 30-х и в последующие годы свидетельствует, что он не имел намерения позволить истории самостоятельно, естественным путем решить проблему национализма, искоренив его социальные предпосылки. Даже больше, Сталин возродил определенный национализм (не

какой-нибудь, а русский) именно тогда, когда, по марксистско-ленинскому учению, социально-экономическая почва национализма была ликвидирована.

Для цитирования в научных исследованиях

Гульбинский Ю.В., Алексеев С.О. Идеи автономизации во взглядах представителей советской политико-правовой мысли периода создания советской России (1917-1922 гг.) // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 4А. С. 298-307.

Ключевые слова

Советская Россия, автономная республика, советский союз, правовые мысли.

Введение

30 декабря 1922 г. II Всесоюзный съезд Советов в Москве провозгласил создание Союза Советских Социалистических Республик. Возникло федеративное государство, в котором гарантировалось равенство прав наций и территорий¹. В течение 1923 г. было сформировано новое правительство, а в 1924 г. - принята союзная Конституция. Многим тогда казалось, что в СССР наконец-то найден не только путь решения национальной проблемы старой России, но и образец будущего устройства человечества. В коммунистической доктрине, сформулированной в последующие годы, Советский Союз рассматривался как модель всемирного пролетарского государства. Даже образование других коммунистических режимов и государств в Восточной Европе после Второй мировой войны не стало поводом для немедленного просмотра этой идеи.

Правда, ни один из двенадцати коммунистических режимов почему-то не спешил воспользоваться советским рецептом для построения национальных отношений в собственной стране. Большинство из них и в дальнейшем считали этнический принцип базовым элементом национальной государственности. В частности, Румыния, несмотря на присутствие довольно значительной доли представителей национальных меньшинств в составе населения, оставалась румынским национальным государством. Так же и Китай, формально признавая местную автономию меньшинств, неукоснительно придерживался своего статуса национального государства. Тогда китайские коммунисты проявляли приверженность к советской концепции самоопределения наций и федеративного построения государства, но, став партией власти, они сделали выбор в пользу унитаризма, подобного той «автономизации», которую Сталин безуспешно предлагал ввести в России 1922 г.²

Две других социалистических государства, Югославия и Чехословакия, избрали своеобразный вариант «наднационализма», и в этом отношении их опыт теоретически иногда напоминает принцип, положенный в основу построения СССР. Однако в практическом воплощении этого принципа существует одно фундаментальное расхождение с советским образцом. В Советском Союзе российская нация и ее язык как «ведущие», имеют привилегированное положение среди других языков и наций. Сербь и чехи такого статуса не имеют.

¹ Зенушкина И.С. Советская национальная политика и буржуазные историки. — Москва: Мысль, 1971 285с.

² См. обращение (в 30-х годах) к будущей Китайской Федерации относительно ее присоединения к «всемирной советской республике» (Goodman E.R. Op. cit. - P. 358-359)

Основная часть

Провозгласив в 1917 г. принцип интернационализма и вводя его вплоть до начала 30-х годов, большевики, в конце концов, отказались от него. Во многом этот сдвиг был обусловлен реальным балансом сил между россиянами и нерусскими народами, который сложился в течение первого десятилетия советской власти. Настоящая революция, которая превратила часть наций Советского Союза в сообщества, подчиненные русским, и стала на пути эволюции некоторых других народов в полноценные нации, состоялась в 30-е годы. Именно тогда была физически уничтожена элита нерусских наций и народов, а русский язык и культура уверенно заняли те «ведущие» позиции, которые они имеют и в наши дни.

Ленинский лозунг самоопределения наций был сформулирован в контексте общих демократических преобразований, которые должны были предшествовать социалистическим. К 1914 г. Ленин считал, что национальная проблема в России будет решена во время или непосредственно после демократической революции³.

Самоопределение наций (вместе с отменой монархии, аграрными преобразованиями и отделением церкви от государства) рассматривалось как составная часть общей программы буржуазно-демократической революции в России и Восточной Европе. Подобно другим марксистов, Ленин считал, что в развитых капиталистических странах национальный вопрос уже не стоит на повестке дня (Ирландия, очевидно, была не более чем исключением).

Некоторые из товарищей в партии считали, что идеи Ленина противоречат классовому подходу, который должен был бы исповедовать пролетарский вождь. Однако Ленин настаивал на том, что пока будут существовать пережитки феодализма, лозунг самоопределения наций (который, кстати, он никогда не считал пролетарским) будет прогрессивным — разумеется, в рамках буржуазного общества. Если в будущей революции некоторые народы России будут противостоять царизму исходя именно из националистических принципов, они все равно будут помогать общей борьбе всех прогрессивных сил. Однако Ленин считал, что пролетариата это не касается.

Он призвал российских рабочих поддерживать право нерусских народов на отделение от России, таким образом отделяя пролетариат от российских националистов, которые стремились принудительного сохранения неделимости империи. С другой стороны, пролетарии нерусских народов должны были отказаться от национализма, настаивая на отделении от России, выдвинув как первостепенную задачу борьбу за дело социализма вместе с российским пролетариатом. Социализм по своей природе является интернациональным, следовательно, для Ленина очевидной истиной было то, что в рамках этого строя уже нет потребности в создании независимых национальных государств.

Ленин понимал, что федерализм как принцип решения национального вопроса на досоциалистическом, демократическом этапе революции останется незыблемым деление рабочего класса по этническому принципу. Он был готов гарантировать широкие права различным регионам страны в области языкового вопроса, однако решительно отрицал

³ В данном случае предлагается короткий обзор мнений Ленина относительно национальной проблемы в дооктябрьский период — лишь как начальный шаг и для понимания общего контекста советского варианта решения упомянутой проблемы. Более подробный анализ и специальные ссылки на труды Ленина можно найти в работах, указанных в ссылке и, прежде всего в труде Г. Пайпса, посвященной формированию Советского Союза.

национальный принцип как основу для формирования политической организации. Полное политическое отделение страны, или нерушимое политическое единство внутри государства, должны обеспечить пролетариату иммунитет от националистических влияний. В этом отношении ленинские мысли совпадали с идеями Энгельса, который считал, что достижение независимости теми нациями, которые борются за нее, укрепляет силы социализма внутри этих наций⁴.

То, что произошло после Октябрьской революции, по мнению большевиков, принадлежало к явлениям другого порядка. Поскольку разные народы бывшей империи уже образовали собственные национальные государства в 1917-1918 г., федерализм в рамках советской системы, где Россия играла ведущую роль, был шагом к объединению. Не менее важным было то, что новый советский федерализм отличался от федерализма буржуазного мира в той же мере, в какой советское видение свободных выборов, демократии и прав личности отличалось от понимания этих понятий в «буржуазном мировоззрении». Достаточно вспомнить, что большевики отказались внедрить любую форму федерализма (то есть децентрализации в принятии решений) внутри своей партии — «ведущей силы» советского государства. Понятно, что армия и политическая полиция также оставались жестко централизованными структурами. Таким образом, такой вариант федерализма вполне согласовывался с общей централизаторской позицией Ленина.

Поскольку большевики ликвидировали власть капиталистов и установили власть рабочих и крестьян, идея отделения от Советской России вполне естественно превращалась в реакционную: это стало бы препятствием к установлению социализма в бывших «окраинах». И так, подобно тому, как они разогнали всенародно избранное Учредительное собрание (орган, над которым они не имели полного контроля), большевики так же отказались признать стремление Армении или Грузии на независимость.

В России направление развития страны определялось не Учредительным собранием, избранным всем населением, а коммунистической партией, поэтому возник вопрос: кто будет выступать от имени пролетариата других советских народов? Будет ли разрешено коммунистическим партиям республик действовать от имени их наций? Именно на это надеялись некоторые коммунисты, но Ленин не позволил формирования независимых коммунистических партий в национальных республиках. После Брестского мира, когда Украину и некоторые европейские территории России отделили от большевистского государства (вопреки воли последней), Москва сделала вынужденные уступки в отношении с «националами». Местные большевистские организации было переименовано в «коммунистические партии», при этом они, разумеется, оставались подчиненными центру. Эта смена вывески отвечала настроению масс: среди последних формальные символы независимости вступили в революционные круги определенной популярности.

О том, что автономия национальных партий на самом деле была чисто номинальной, свидетельствует запрет украинским коммунистам войти в Коммунистический

⁴ Как отмечали Маркс и Энгельс, «прямой абсолютный интерес английского рабочего класса требует разрыва его теперешней связи с Ирландией» (Цит.: Дзюба И. Интернационализм или русификация. — М.: Изд. дом КМ «AcadeMia», 1998. — С. 84). Даже больше, Энгельс писал, что «до тех пор, пока отсутствует национальная независимость, ...народ исторически не в состоянии даже обсуждать сколько-нибудь серьезно какие бы то ни было внутренние вопросы» (Там же. — С. 83).

Интернационал на правах отдельной от русских большевиков организации. Большевики из центра просто напомнили украинским коллегам, что их партия является не более чем местной организацией единой большевистской партии. Наконец, Центральный Комитет последней выступал как единственный представитель национальных интересов всех народов советского государства.

Разумеется, здесь речь не идет о том, что якобы Ленин стремился к сохранению национального неравноправия. Партия должна была быть наднациональной, а одной из главных ее задач было предотвратить восстановление российского национализма. Однако, каким образом партия могла преодолеть свой национальный русоцентризм, если по своему составу она была преимущественно на русском, а те ее члены, которые не принадлежали к русским по происхождению, чаще всего были сплошь русифицированными? Основной базой большевиков, где они имели преобладающее влияние, были урбанизированные российские территории, на которых преобладал пролетариат.

Добавим к этому, что в российской исторической и политической традиции политическая власть отождествлялась именно с русской национальностью. С другой стороны, экономически и политически развитые территории бывшей Российской империи, такие как Финляндия, Польша, Латвия и Эстония, после войны и революции вышли за рамки советского мира.

Надежду на то, что мировая революция вскоре охватит Германию, Венгрию и т. д., оказались напрасными. Отождествление России с коммунизмом, которое окончательно сформировалось во времена Сталина в 1930-е годы, начиналось еще во время подписания Брестского мира в 1918 г. (когда на короткий период времени европейская часть России совпала с российской этнической территорией) и в период похода Красной Армии на Варшаву в 1920 г. «Интернационал пройдет, а границы останутся»⁵ — писал в 1922 г. российский националист и безусловный оппонент коммунизма В.Шульгин. Его мнение разделяли тысячи бывших офицеров царской армии и чиновников, которые перешли на сторону советской власти, ибо видели в большевиках единственную силу, способную сохранить неделимость того, что они считали русскими землями.

Количество бывших царских чиновников, пропитанных шовинистическим главенством относительно нерусских, была настолько ощутимой, что Ленин всерьез опасался распространения соответствующих настроений в партии.

В его заметках, продиктованных 30-31 декабря 1922 г. (то есть именно в те дни, когда съезд Советов провозгласил создание СССР), эти опасения высказаны четко и недвусмысленно⁶. Эффективного средства для преодоления российского национализма Ленину создать так и не удалось. Коммунизм, считал Ленин, сам собой разрушает среду, в которой возникает национализм, следовательно, последний является пережитком прошлого. Пролетарский вождь так и не смог признать того факта, что национализм отражает также определенные специфические интересы и стремления, которых нельзя удовлетворить тактикой, но которые требуют реальных политических и иных уступок»⁷.

Полагая, что в условиях большевистской власти национализм является пережитком прошлого, Ленин в то же время осознавал, что последний остается мощной силой в Азии,

⁵ Цит.: Дзюба И. Отмеч. работа. — С. 73.

⁶ Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Полное собр. пр. — Т. 45. — С. 339-345.

⁷ Pipes R. Op.cit. — P. 277.

Африке и Восточной Европе, именно поэтому предостерегал партию против возрождения сугубо российского образа советского государства⁸.

Даже после того, как Красная Армия, опираясь на поддержку местных коммунистов, установила советскую власть в Украине, Азербайджане, Армении, Грузии, Белоруссии и мусульманских государствах Центральной Азии, большинство республик (кроме тех, что вошли в состав федеративной России) все еще оставались формально независимыми государствами, а их отношения с Москвой регулировались отдельными соглашениями⁹.

Согласно этим соглашениям, российское правительство де-юре сосредоточило в своих руках управление военной и экономической сферами, транспортом и связью — всех тех отраслей, которые оно контролировало де-факто с момента установления советского режима на этих территориях. Республики, которые когда-то были независимыми, сохранили такой формальный признак суверенитета, как, например, право на дипломатические отношения с иностранными странами. Советская Украина, в частности, поддерживала дипломатические отношения с Польшей, Чехословакией и Германией, а также принимала участие как самостоятельная сторона в подписании Рижского договора (1921), в которой были достигнуты договоренности относительно восточной границы Польши.

Реально руководство советской России не соблюдало упомянутых соглашений с другими советскими республиками и относилось к ним как к подчиненным территориям, вроде тех, которыми были в России — Башкирия или Дагестан, что имели статус автономных социалистических республик в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), но не были суверенными.

В 1922 г. Сталин, который тогда был народным комиссаром по делам национальностей правительства РСФСР, предложил превратить Украину, Белоруссию, Армению, Грузию и Азербайджан в автономные республики РСФСР¹⁰. Это была дальновидная идея как в международном, так и во внутривластном аспектах. Речь шла о реставрации единого российского государства, в котором единолично господствовали коммунисты. Эта коммунистическая держава должна была бы называться Россией и состоять из собственно российских этнических территорий, заселенных «русскими» или «великороссами», и тех земель, где преобладали нерусские, которым предоставлялся статус национальных меньшинств в составе России.

Сталинский план был принят специальной комиссией, которая разрабатывала основные принципы отношений между республиками, однако Ленин решительно отверг его, поскольку понимал, что план уже направлен на формальное восстановление привилегированного статуса россиян — это должно вызвать сопротивление и недовольство внутри государства. Сталинская идея была опасной также и потому, что уменьшала привлекательность коммунизма как

⁸ «Было бы непростимым оппортунизмом, — писал он, — когда бы мы накануне этого выступления Востока и в начале его пробуждения подрывали свой авторитет среди него хотя бы наименьшей грубостью и несправедливостью по отношению к нашим собственным инородцам» (Ленин В. И. Отмеч. работа. — С. 345).

⁹ См. текст этих соглашений: История советской конституции (в документах). 1917-1956/ Подред. С. С. Студенкина. — М., 1957. 1046с.

¹⁰ Эти предложения Сталина не публиковались в полном объеме, однако их содержание исследователи восстанавливают на основе цитат, которые приводились в различных советских изданиях (Pipes R. Op. cit. - P. 270-271). Детали сталинских планов стали известными исследователям лишь в 1956 г. и именно этим можно объяснить, что Айзек Дойчер приписывал ленинские идеи Сталину, называя его «главным строителем преобразований». Книга Дойчера появилась в 1949 г. и автор не сделал исправлений во втором издании 1966 г. (Deutscher I. Stalin: A Political Biography. — 2 ed. — New York: Oxford Univ. Press, 1966. — P. 244).

союзника национально-освободительных движений вне пределов советского государства. В связи с контрпредложением Ленина (формально принятым), планировалось формирование новой федеративной структуры, наднационального государства, из названия которой изымался этнический компонент. Россия, замечал Ленин, должна была войти в новое государство как составная часть, на равных правах с Украиной¹¹.

Когда Конституция СССР стала действующей, союзное правительство получило гораздо больше полномочий, чем это предполагалось Лениным в его декабрьских заметках 1922 г., а РСФСР обеспечила себе большинство мест в обеих палатах высшего законодательного органа СССР¹². Это произошло благодаря тому, что, во-первых, некоторым развитым нациям, в частности татарам, не удалось добиться статуса союзной республики (Татарстан до сегодня остается частью Российской Федерации); во-вторых, предложение, согласно которому представительство одной республики в другой палате не должно превышать двух пятых от общего количества мест, была отвергнута. Впрочем, несмотря на эти недостатки, в новой федеративной системе признавался принцип равноправия наций и право союзных республик на выход из Союза. Это, с одной стороны, гарантировало национальным республикам неизбежность их конституционных прав как составных частей советской государственной организации, с другой — способствовало подъему и укреплению национального сознания народов Советского Союза¹³.

Эти изменения, вместе с распространением образования, подъемом издательского дела и прессы (которые в течение 1920-1930-х гг. развивались на базе национальных языков), безусловно, способствовали развитию нерусских народов СССР. Коммунизм немедленно начал получать солидные дивиденды. Интернационалистическая национальная политика сделала коммунизм и советскую форму правления понимаемой для нерусских территорий, позволила советской власти найти общий язык с крестьянством и национальной интеллигенцией. Для внешнего мира СССР стал олицетворением системы, в которой социализм, национальное равенство и автономия образовывали гармоничное единство. Коммунизм в эти годы превратился в идеологию, очень привлекательную прежде всего для национальных меньшинств Восточной Европы, недовольных своим положением.

¹¹ Ленин В. И. Об образовании СССР. Письмо Л. Б. Каменеву для членов Политбюро ЦК РКП (Б) // полное избр. соч. — Т. 5. — С. 201-202. Ленин писал: «Мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, «Союз Советских Республик Европы и Азии» (С. 201).

¹² Текст этой конституции см. в кн.: История советской конституции. — С. 458-473.

¹³ Как отмечал Г. Пайпс, Советский Союз был компромиссом между «доктриной и реальностью», между коммунистическим идеалом централизованной организации и эмпирическим фактом национализма. Это было только временным решением, переходной стадией к полностью централизованной и наднациональным мировым социалистическим государством. Далее автор утверждает, что с точки зрения самоуправления коммунистическое правительство было еще менее щедрым в отношении меньшинств, чем его предшественники времен царизма: оно разрушило независимые партии, местное традиционное самоуправление, религиозные и культурные заведения. Оно было таким унитарным, централизованным и тоталитарным государством, которым царское государство никогда не было. С другой стороны, гарантируя меньшинствам широкую языковую автономию и беря за основу национально-территориальный принцип государственного политического управления, коммунисты на конституционном уровне признали многонациональный характер советского населения. Учитывая важность, которую язык и территория для развития национального сознания, особенно для тех народов, которые, подобно русским меньшинствам в течение революции имели опыт самоуправления, данная чисто формальная черта советской конституции, возможно, была исторически одним из важнейших факторов в становлении Советского Союза (Pipes R. Op. cit. - P. 296-297).

Утверждение СССР как наднациональной политической общности не означало перехода нерусских языков на статус второстепенных. Советская власть трактовала язык как средство воздействия на массы, и в этом случае беспокоилась прежде всего о том, чтобы все языки служили делу социализма. В таком варианте языковой плюрализм не представлял угрозы социализму в СССР. На X съезде партии (1921) в своей речи Сталин сформулировал линию партии в «языковом строительстве». Вспомнив про записку, в которой говорилось о том, что коммунисты «насаждают белорусскую национальность искусственно», Сталин заявил, что белорусская нация существует и имеет собственную речь, отличную от русской. "Нельзя идти против истории" - подчеркнул он. Даже больше, хоть русский элемент и в дальнейшем преобладал в украинских городах, последние, по его мнению, обязательно должны стать украинскими, так же, например, как Рига из немецкого города превратилась в латышский.

Города растут, объяснял Сталин, за счет жителей села, которое является «хранителем национальности», следовательно, и города Белоруссии станут белорусскими¹⁴.

Впоследствии, на протяжении 20-х годов позиция Сталина изменилась: то направление, в котором развивались бывшие угнетенные народы, становилась, по его мнению, угрожающим. Особое подозрение вызвал у него «деруссификационное» давление в городах Украины, хоть он якобы и выступал не столько против самой цели, на достижение которой эти процессы шли, сколько против «чрезмерной поспешности» в этом деле. Он был также обеспокоен требованиями украинских коммунистов назначать на высшие правительственные и партийные должности в Украине именно украинцев и лозунгами культурной ориентации на Европу или призывами вроде «Прочь от Москвы!», которые приобретали популярность даже в среде коммунистической украинской интеллигенции¹⁵.

Заключение

Поскольку подобные процессы и тенденции становились все более ощутимыми в других советских республиках, Сталин, видимо, решил, что надо отказаться от политики, направленной на широкое внедрение нерусских языков в таких сферах, как культура, образование, государственное управление и общественная жизнь, чтобы не потерять контроля над национальными движениями, что, впрочем, представляло угрозу принципиально жесткого централизма как в партийной жизни, так и в руководстве экономикой. Принцип свободного развития языков не должен был противоречить главным принципам, согласно которым партия оставалась ведущей и объединяющей политической силой, а классовый интерес и солидарность пролетариата были выше центробежных тенденций, которые могли возникать на основе культурных различий между народами СССР. Разумеется, существовал определенный

¹⁴ Сталин И.В.. Заключительное слово на X съезде РКП (б) // Сталин И.В.. Произведения. — К., — 1948. — Т. 5. — С. 48-49.

¹⁵ Сталинская позиция была изложена в письме от 26 апреля 1926 г. к Л. Кагановича, в то время Генерального секретаря Коммунистической партии Украины. Впервые опубликовано только 1948 г. (Сталин И. Произведения. — К., 1952. — Т.8. — С. 149-154. См. также: Luckyj G.S.N. Literary Politics in the Soviet Ukraine, 1917-1934. — New York: Columbia Univ. Press, 1956. — P. 66-68; Sullivant R. S. Soviet Politics and the Ukraine, 1917-1957. — New York: Columbia Univ. Press, 1962. — P. 126-134). По Салливану, Сталин «начал отождествлять Россию и российские учреждения с марксизмом и большевизмом» еще в 1926 г. (С. 132). (См также.: Allworth E. Central Asian Publishing and the Rise of Nationalism. — New York: New York Public Library, 1965; Allworth E. Uzbek Literary Politics. — The Hague: Mouton, 1964).

общественный класс — крестьянство (особенно самая его часть, так называемые кулаки), к которому националистическая интеллигенция могла обращаться за поддержкой (и наоборот — этот класс также имел возможность найти в этой среде городской интеллигенции своих идеологов и лидеров).

Сталин боялся такого союза, и его действия в 30-х годах можно было бы интерпретировать как попытку достичь того, что в 1921 г. он считал неприемлемым (то есть он таки «пошел против истории»). Как марксист, Сталин должен был бы быть доволен социальными преобразованиями в деревне. Его деятельность на протяжении 30-х и в последующие годы свидетельствует, что он не имел намерения позволить истории самостоятельно, естественным путем решить проблему национализма, искоренив его социальные предпосылки. Даже больше, Сталин возродил определенный национализм (не какой-нибудь, а русский) именно тогда, когда, по марксистско-ленинскому учению, социально-экономическая почва национализма была ликвидирована.

Библиография

1. Зенушкина И.С. Советская национальная политика и буржуазные историки. — Москва: Мысль, 1971. 285с.
2. История советской конституции (в документах). 1917-1956/ Подред. С. С. Студенкина. — М., 1957. 1046с.
3. Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Полное собр. пр. — Т. 45. — С. 339-345.
4. Ленин В. И. Об образовании СССР. Письмо Л. Б. Каменеву для членов Политбюро ЦК РКП (Б) // полное избр. соч. — Т. 5. — С. 201-202
5. Сталин И.В. Заключительное слово на X съезде РКП (б) // Сталин И.В.. Произведения. — К., — 1948. — Т. 5. — С. 48-49.
6. Deutscher I. Stalin: A Political Biography. — 2 ed. — New York: Oxford Univ. Press, 1966. — P. 244
7. Luckyj G.S.N. Literary Politics in the Soviet Ukraine, 1917-1934. — New York: Columbia Univ. Press, 1956. — P. 66-68
8. Sullivant R. S. Soviet Politics and the Ukraine, 1917-1957. — New York: Columbia Univ. Press, 1962. — P. 126-134

The idea of autonomy in the views of the representatives of the Soviet political and legal thought of the period of the establishment of Soviet Russia (1917-1922)

Yurii V. Gul'binskii

PhD in Historical Sciences, Assistant Professor,
Senior Lecturer,
Department of theory and history state and law,
Saint Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation,
198206, 1, Letchika Pilyutova st., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: urakatya@yandex.ru

Stanislav O. Alekseev

Adjunct,
Department of theory and history state and law,
Saint Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation,
198206, 1, Letchika Pilyutova st., Saint Petersburg, Russian Federation,
e-mail: alex1980saratov64@gmail.com

Abstract

The problems of creating the Soviet Union are still being studied. In the context of the ideas of autonomy of representatives of all national minorities, as well as future Soviet republics, the Autonomous views of Russia in the future of the USSR are studied. The paper shows that the principle of free development of languages should not contradict the main principles according to which the party remained the leading and unifying political force, and the class interest and solidarity of the proletariat were higher than the centrifugal tendencies that could arise on the basis of cultural differences between the peoples of the USSR. Of course, there was a certain social class - the peasantry (especially its most part, the so-called kulaks), to whom the nationalist intelligentsia could turn for support (and vice versa - this class also had the opportunity to find its ideologues and leaders in this environment of the urban intelligentsia).

Stalin was afraid of such a union, and his actions in the 30s could be interpreted as an attempt to achieve what he considered unacceptable in 1921 (that is, he "went against history"). As a Marxist, Stalin should have been pleased with the social transformations in the countryside. His activity during the 30s and the following years shows that he did not intend to allow history to independently, naturally, solve the problem of nationalism, eradicating its social prerequisites. Even more, Stalin revived certain nationalism (not any, but Russian) precisely when, according to Marxist-Leninist teaching, the socio-economic basis of nationalism was eliminated.

For citation

Gul'binskii Yu.V., Alekseev S.O. (2019) Idei avtonomizatsii vo vzglyadakh predstaviteley sovetskoy politiko-pravovoy mysli perioda sozdaniya sovetskoy Rossii (1917-1922 gg.) [Ideas of autonomy in the views of representatives of the Soviet political and legal thought of the period of the creation of Soviet Russia (1917-1922)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 9 (4A), pp. 298-307.

Keywords

Soviet Russia, Autonomous Republic, Soviet Union, legal thoughts.

References

1. Deutscher I. Stalin: A Political Biography. - 2 ed. - New York: Oxford Univ. Press, 1966. - P. 244
2. Luckyj G.S.N. Literary Politics in the Soviet Ukraine, 1917-1934. - New York: Columbia Univ. Press, 1956. - p. 66-68
3. Sullivan R. S. Soviet Politics and the Ukraine, 1917-1957. - New York: Columbia Univ. Press, 1962. - P. 126-134
4. Zenushkina I.S. Soviet national politics and bourgeois historians. - Moscow: Thought, 1971. 285p.
5. History of the Soviet Constitution (in documents). 1917-1956 / Sub. S. S. Studenkin. - M., 1957. 1046s.
6. Lenin V.I. On the issue of nationalities or on "autonomization" // Full Coll. Ave. - T. 45. - p. 339-345.
7. Lenin V.I. On the formation of the USSR. Letter to L. B. Kamenev for members of the Political Bureau of the Central Committee of the RCP (B), full elected. cit. - Vol. 5. - p. 201-202
8. Stalin I.V. Concluding Remarks at the Tenth Congress of the RCP (B.) // Stalin IV. Works. - K., - 1948. - V. 5. - S. 48-49.